

Мысли об "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.

OCR Бычков М. Н.

История принадлежит народам. В ней находят они верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий. Долго были мы лишены бытописателей, имея только Щербатова и Татищева¹. Наконец, Н. М. Карамзин, ревнуя к отечественной славе, посвятил 12 лет постоянным, утомительным изысканиям и привел сказания простодушных летописцев наших в ясную и стройную систему. Неоцененное благодеяние! С скромностью истинного дарования говорит нам историк, что в труде сем ободряла его надежда сделать российскую историю известнее. Исполнилось желание его -- мы гораздо знакомее стали с делами предков наших. До сих пор, однако ж, никто не принял на себя лестной обязанности изъяснить историку общую благодарность. Никто не обозревал со вниманием великости труда его, красоты, соразмерности и правильности частей, никто не воздал писателю хвалы, достойной его, ибо хвала без доказательств есть хвала черни.

Неужели творение сие не возродило многих различных суждений, вопросов, сомнений! Горе стране, где все согласны. Можно ли ожидать там успехов просвещения? Там спят силы умственные, там не дорожат истиною, которая, подобно славе, приобретается усилиями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода суждениям читателей. Сомнения, изложенные с приличием, могут ли быть оскорбительными?

Основательное обозрение истории затруднительно для одного человека; философ, законоискусник, пастырь церкви, военный должны каждый в особенности участвовать в подвиге сем. Один должен вникать в дух, в котором она написана, -- не приданы ли векам отдаленным мысли нашего века, не приписаны ли праотцам понятия, приобретенные уже внуками. Другой должен сверять ее с источниками. Третий -- разбирать суждения сочинителя о торговле, о внутреннем устройстве и так далее.

Пусть каждый изберет часть свою, но здесь читатель должен ожидать только изложения мыслей, возбужденных чтением сего творения, и беспорядочной смеси замечаний. Каждый имеет право судить об истории своего отечества.

Остановимся сперва на предисловии; в нем увидим, каким образом наш писатель обнял предмет свой и какими правилами он руководствовался. Вот его определение пользы истории: "Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как *искони мятежные страсти* волновали гражданское общество и какими способами *благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление*, чтоб учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать *им возможное на земле счастье*".

История представляет нам иногда, как *благотворная власть ума обуздывала бурное стремление мятежных страстей*. Но согласимся, что сии примеры редки. Обыкновенно страстям противятся другие же страсти -- борьба начинается, способности душевные и умственные с обеих сторон приобретают наибольшую силу; наконец, противники утомляются, злоба обоюдная истощается, познают общую выгоду, и примирение заключается благоразумною опытностью. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами, быть благоразумнее века и удерживать стремление целых обществ. Слабы соображения наши противу естественного хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинемся прошедшему -- дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимого прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда порывались уже предки наши.

Вообще, от самых первых времен -- одни и те же явления. От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система.

Какой ум может предвидеть и обнять эти явления? Какая рука может управлять их ходом? Кто дерзнет в высокомерии своим насильствами учреждать и самый порядок? Кто противостанет один общему мнению? Мудрый и добродетельный человек в таких обстоятельствах не прибегнет ни к ухищрению, ни к силе. Следуя общему движению, благая душа его будет только направлять оное уроками умеренности и справедливости. Насильственные средства и незаконны и губительны, ибо высшая политика и высшая нравственность -- одно и то же. К тому же существа, подверженные страстям, вправе ли гнать за оные?